

Елена Булганова

ВЕЧЕРНИЕ ВОЛКИ

Елена Булганова
Вечерние волки
Серия «Туманы Черного леса.
Триллеры, ужасы и мистика»

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68435516
Вечерние волки: Animedia Company; Прага; 2022
ISBN 978-80-7499-478-4

Аннотация

Всего пять минут разделили жизнь студентки Савватии Ипатовой на до и после катастрофы. Пока ловила в подъезде сбежавшего терьера, ее родители и младший брат утратили человеческий облик. Население городка под Питером разделилось по неясному принципу на «неадекватов» и тех, кого загадочная эпидемия не коснулась. Пока власти ищут причины и возводят кордоны вокруг города, Савватия и ее друзья пытаются выжить. Студенты создают дружину для защиты жителей, один их рейдов приводит их в Волчий монастырь, источник городских легенд и страшилок. Возможно, разгадка кроется в старых могилах у монастырской ограды, и одной из них тут совсем не место. Но одно дело – разгадать загадку, и совсем другое – решиться на добровольную жертву, чтобы запечатать столетнее зло хотя бы еще на четверть века.

Содержание

Елена Булганова	4
Глава первая Собачий город	4
Глава вторая. «Это не мама, беги!»	25
Глава третья. Путь волка	48
Глава четвертая. Волчий монастырь	70
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Елена Булганова

Вечерние волки

Глава первая Собачий город

*...судьбы его – вечерние волки, не оставляющие до
утра ни одной кости.*

Софония 3:3

Начало катастрофы выпало на среду, на такой ранний час, когда не ждешь от жизни ни хорошего, ни плохого, а подвиги готов совершать только во сне. Столетнее зло пробудилось, выкарабкалось из-под земли и неуловимо поползло наверх, пока не прошло насквозь все этажи и квартиры...

Я помню и никогда не забуду то недоброе утро, когда ливень затеял бой с карнизом и грохот этой битвы бессовестно вырвал меня из сна. Едва пристроила подушку на ухе, как зазвонил будильник.

– Обалдел? – зашипела я из-под подушки, рукой в спешке нащупывая источник звука на полу возле кровати. – Сейчас в угол полетишь. Не может быть уже утро.

Но будильник твердо стоял стрелками на семи утра. Почему же так темно и почему я ни капельки не выспалась? Я заранее предвкушала, какой злой и невыносимой буду сего-

дня на занятиях.

На смену назойливому звону пришли звуки пробудившейся квартиры: на кухне звякала посуда и мерно гудел, закипая, чайник. Грохала металлическими ножками о линолеум табуретка, на которой наверняка раскачивался мой неугомонный братец, шикала на него мама...

К привычной какофонии утренних шумов скоро добавился оскорбленный собачий взвизг и drobный перестук улепечивающих лапок. Все понятно, наш йоркшир Мухрик терпеть не может мочить под дождем свою бежевую шерстку. Он наверняка уже выглянул в окно, просчитал все плюсы и минусы – и пошел по пути наименьшего сопротивления: напрудил в закутке перед туалетом. За что получил по толстой попе свернутой в трубку газетой, талантливо изобразил, будто умирает от боли и обиды, – и сейчас уже устраивается спать дальше на кресле в родительской спальне. Ну почему, почему я не знаю способов так же легко и незамысловато отделаться на сегодня от института?

Я рывком соскакиваю с кровати, в темпе утепляюсь (махровый халат плюс кофта), поскольку в комнате непривычно промозгло, будто окно всю ночь простояло распахнутым настежь, затем тащусь в ванную. В коридорном аппендиксе сразу за моей дверью здорово пованивает, на линолеуме сохнет след от тряпки. Я щедро окропляю воздух освежителем воздуха, потом, не открывая толком глаз, в ванной привожу себя в относительный порядок. И уже чуточку бодрее от-

правляюсь на кухню.

А там мама жарит сырники и брат Сережка с обмотанным пушистым шарфом горлом одной рукой засовывает уже готовый сырник в рот, другой же выводит на столешнице молочные узоры.

– Привет, мам, а где папа? – говорю я, добредая до табуретки и спросонья едва не промахиваясь мимо нее. Приходится схватиться за край стола, ножки отрываются от пола и с грохотом опускаются назад, брат заливается счастливым смехом пополам с кашлем.

– Да тише ты, неуклюжая! – шипит мать. – Отец еще не вставал.

– А ему разве не надо на работу? – Эх, была такая надежда, что хотя бы подкинет до института на нашем «легасике».

– Он отгул взял, нас к десяти в поликлинику отвезет. Не выпишут, конечно, зря только протаскаемся в такую погоду, – вздыхает и поглядывает в сторону окна мама.

Тэк-с, похоже, в этой семье только мне суждено прожить гнусный день по казенному расписанию.

– Ой, что-то у меня тоже горло саднит, заразилась, наверно, – сиплю с надеждой, но, похоже, мои слова улетучиваются сквозь вытяжку над плитой.

– Зонтик не забудь, – говорит мама. – Куртку надевай уже осеннюю, обещают резкое похолодание. И поешь хоть раз нормально.

– Спасибо, что-то больше не хочется! – Я с оскорбленным

видом отодвигаю тарелку с половиной сырника. – И глотать ужасно больно, кхе-кхе!

Я прохожу мимо материнской спины, ее волосы закручены в не слишком опрятную куделю на затылке, к воротнику халата приклеена желтая бумажка-стикер. Подавшись вперед, разбираю кривоватые прописные буквы, жирно выведенные черным фломастером:

«ЭТО НЕ МАМА. БЕГИ!»

Бросаю через плечо взгляд на брата и делаю ему зверские глаза. Серый в ответ высовывает до предела язык, и впрямь еще воспаленный.

Обреченно переодеваюсь в своей комнате, уже не реагируя на холод, который вроде как даже усилился. Ничего, в институте первым делом налакаюсь кофе из автомата, а может, и весь день просижу в нашем уютном буфете, под прикрытием развесистой монстеры и пыльного фикуса в огромных кадках. Я не лентяйка, но знаю свой предел: сегодня тот день, когда лучше взять перерыв в занятиях. В прихожей еще немного с надеждой покашливаю, вдруг мама все же заинтересуется? Но нет, никакой реакции, даже разговор с братцем Серегой не прервала. В раздражении хватаю зонт и покидаю квартиру.

Здесь, на лестничной площадке, еще сильнее слышно, как лупит косой ливень по стенам и по окнам, удушающе пахнет сырой известкой и ужас до чего холодно! Я не захожу в лифт – там наверняка на полу уже целое болото, фу! Прыжками

преодолеваю лестницу, стараясь согреться.

Но что это? Снизу до меня доносится тоненький визг, полный тоскливого ужаса – и прекрасно мне знакомый. Несусь по ступенькам, попутно осматриваю каждую площадку. И только в самом низу лестницы, напротив железной двери парадного замечаю нашего Мухрика: он прячется за колесом детской коляски, дрожит всем своим маленьким тельцем. На меня из-за обода колеса поглядывает так, будто утратил всякую надежду на спасение и уже не верит своим глазам.

– Мухрик, хватит блажить, вылезай оттуда! – командую я, опускаясь на корточки. – Твой SOS услышан и спасение пришло!

Подхватываю собачонка на руки и снова скачу по ступенькам на наш пятый, попутно не забывая о воспитательной работе:

– Допрыгался, пронира? Опять выбежал, пока мама выкидывала мусор? А вот а-та-ташки тебе, шпана малолетняя!

Взбодрившийся Мухрик косит выпуклым карим глазом на мои руки – он в курсе, что наказывать его можно только газеткой. И прижимается крепче, обнимает лапками, стараясь согреться, ну и разжалобить заодно.

– Вот однажды так и останешься на весь день в парадном, бестолочь! Придет дядька с сеткой, накинёт – и кранты Мухрику, улавливаешь?

Я уже у нашей двери, со всей силы жму на звонок – но никто не торопится мне открывать. Да что они там, выпро-

водили меня и завалились спать? Нормальный ход! Пускаю в ход пятку, колючу – с тем же результатом. Сваливаю собачью тушку на коврик, шарю по карманам – отлично, я не взяла ключи! Ладно, хоть мобильник ухитрилась не забыть. И запасной ключ от домофона всегда лежит у меня в институтской сумке именно по причине моего головотяпства.

Набираю мамин номер – отключен; Сережин, папин – та же ерунда. Да что же за утро сегодня такое? Звоню на наш домашний и долго слушаю тишину в трубке. Мне вдруг становится очень жарко, даже капли пота стекают по позвоночнику... что-то непонятное происходит, такого просто не может быть... тревога, тревога!

Подхватив Мухрика, несусь вниз, выбегаю из парадного и смотрю на окна нашей квартиры. Дождь заливает глаза, но я успеваю разглядеть: они темны, повсюду, на кухне и в гостиной – и страх понемногу отпускает меня. Все понятно: в квартире погас свет, звонок и телефон не работают, а стук заглушил грохот ливня. Видимо, пробки вылетели или какая-то поломка на станции из-за непогоды.

Странно только, что света нет ни в одном окне на нашем пятом этаже, тогда как остальная часть дома светится, как ей и положено в семь тридцать утра почти в самом конце октября. Я никогда не слышала, чтобы свет выключался по этажам, и сомневаюсь, можно ли в таком случае пользоваться лифтом. Домофон – я и этот ресурс задействовала – вроде срабатывает, но поступает ли сигнал в квартиру – неизвестно.

но. Видимо, нет, мне же не отпирают. Класс!

Остается только идти в институт с Мухриком, вот это будет явление! И дальше вахты не пройду. Значит, придется начинать все сначала, подниматься и стучать сильнее. Сейчас дух малость переведу...

Сзади кто-то от души хлопает меня по спине, я визжу и подпрыгиваю, едва не роняю Мухрика, который немедленно начинает голосить от страха на весь двор. Оборачиваюсь и ору:

– Лилька, блин, сколько прошу не подкрадываться сзади! У меня и так нервы ни к черту!

Моя лучшая – и единственная – подруга весело и без всякого раскаяния щурит чуть свои невероятные угольно-черные глаза, покачивает головой:

– Савка, ну ты даешь, нашла время гулять с собакеном, пара через десять минут!

– Да не гуляю я! Этот идиотик в который раз выскочил самовольно в подъезд, и свет вырубился, и до родителей не дозвониться! Как думаешь, можно подняться на лифте, если один этаж остался без света? А то уже сил нет гонять туда и обратно.

Лиля осторожно выглядывает из-под огромного красного зонта, окидывает взглядом строение, изумленно качает головой:

– Вот чудеса, один этаж без света! О-па, гляди, и у нас тоже! – Она тычет пальцем через плечо в направлении сво-

его дома по другую сторону просторного двора. – Не, я бы не рискнула. И вообще, давай лучше забросим Мухра к нам, пусть они там с Гномом отжигают. А после занятий его заберешь.

– Точно, давай, – выдыхаю я, почти успокоившись. – Только все равно нужно дозвониться, мои с ума сойдут, когда спохватятся, что этот недопесок исчез.

Под одним зонтом, утопая в лужах, мы с Лилей несемся к ее дому – кирпичному, основательному, не то что наш блочный. Подружкин дом называют еще профессорским: комнаты там просторные, потолки высокие, лестницы крутые. К счастью, семейство Гальперов проживает на первом, потому что у меня после беготни по лестнице невыносимо крутило мышцы ног.

Едва успела Лиля отпереть входную дверь, как Мухрик, совсем было поникший и утративший волю к жизни из-за неопределенности своего положения, мгновенно повеселел, оживился, жадно втянул ноздрями воздух – он уже учуял закадычного друга, таксика Гнома, с которым они носятся по двору каждый вечер, пока мы на скамейке ведем с подругой бесконечные беседы. Через секунду черный, с рыжими подпалинами на груди и брюхе Гном вылетел в прихожую и громко завизжал от счастья, смекнув, что утро перестает быть унылым.

– Лиль, а где Гром? – удивилась я тому, что сразу следом за малышкой не появился из глубины квартиры величавый

мраморный дог, чьей жизненной установкой было зализать до смерти любого, кто попадет в его поле зрения.

– Теперь отец с ним в свободное время ходит в группу по аджилити, чтобы Громчик был в форме, – информировала меня подруга, провожая взглядом утекающих в гостиную псов. – А Гнома не берут, потому что он бестолковый и всем мешает. Ну все, прощай, квартира, они сегодня ее точно разнесут.

Отец Лили дядя Лев – врач, зав. хирургического отделения в нашей городской больнице – дежурит сутками, удивительно, как с утра у него еще хватает сил заниматься псом. Бабушка Анна Семеновна, наверно, ушла навещать своих подопечных, она соцработник и обихаживает людей иногда даже моложе ее, а матери у Лили нет. Так что Гнома с Мухриком ожидает с нашим уходом полная собачья вольница.

– Может, пропустим первую пару? – вспомнила я свои попытки избежать учебы и представила в деталях, как хорошо будет посидеть сейчас на уютной кухне, попить кофе, а предварительно порыться в холодильнике – Анна Семеновна, в просторечье «бабаня», была фантастической кулинаркой. А я так толком и не поела с утра...

– Ох, нет, Сав, я не могу, – обдумав мои слова, с сожалением мотнула головой Лиля. – Помнишь, две недели назад уже пропускали, и меня потом в деканат вызвали. Было не слишком приятно.

Все верно, еще со школы за наши общие грешки отвечать

часто приходилось одной Лиле. Потому что подруга фантастически красива и не заметить ее отсутствие где надо – или, наоборот, присутствие где не надо – просто невымыслимо. А занятие по основам менеджмента, которое начнется через десять минут, ведет молодой доцент, который иногда, забывшись, по ползанятия не отрывает от моей подруженции глаз. Ага, а лишившись этого удовольствия, бежит стучать на нее в деканат.

– Ладно, пошли, – вздохнула я, окончательно пав духом. – Но после пары сразу в столовку, уговор?

– Накормлю тебя до отвала, – посулила мне подруга, уже запирая дверь.

И вдруг замерла, прислушалась. Глянула на меня округлившимися глазами:

– Саввочка, чего это они?

И я услышала по ту сторону двери тоненький тоскливый вой, старательно выводимый в унисон двумя собачьими глотками.

– Ничего не понимаю, Гном даже один никогда не воет. Надо посмотреть, что там у них. – И Лиля снова загремела ключами, но тут уж я заблокировала ее руку со словами:

– Наверняка это просто цепная реакция. Слушай!

Действительно, из соседней квартиры тоже несея, заполнял собой парадное, вой, только низкий, басовитый – там обитал пожилой боксер Герман. А где-то на верхних этажах кто-то отчаянно скулил и царапал когтями двери. Похоже,

хвостатые еще хуже нашего реагировали на грохот дождя и на слишком уж беспросветное, даже для этого времени года, утро.

В нашем городе на удивление много собак, можно сказать, это такая у нас городская фишка. Пес, а чаще не один, проживает почти в каждой квартире, по вечерам во дворах не протолкнуться от собачников, воздух звенит от лая. На эту тему время от времени даже снимают сюжеты для телевидения и пишут статьи в прессе с заголовками типа «Самый особаченный пригород Питера» или, без искусов: «Собачий город». Хотя городок наш старинный, с богатой историей, с древним лесным монастырем, источником жутковатых легенд и слухов – а прославился, однако, именно количеством псов. Скоро, возможно, к нам начнут специальные экскурсии возить, как на кошачий остров в Японии.

И вот мы неслись в институт, уже не обращая внимания на слякоть, Лиля даже зонтик закрыла, заявив, что он создает лишнюю парусность. Я еще ухитрялась на бегу терзать свой мобильник в тщетных попытках дозвониться до домашних, и с каждым неотвеченным психовала все больше, хотя в целом объяснить молчание телефонов было не так уж сложно. У отца крайне чуткий сон, убегающий бесследно от любого звука, он свой телефон выключает на ночь и маму просит поступать так же. Брат всю неделю проболел, ему телефон, наверно, ни к чему, с друзьями вовсю общается в соцсетях. Мама, должно быть, встала утром, включила мобильный, увиде-

ла, что он разряжен, и подключила к сети. Но свет вырубили, мобильник попищал возмущенно и разрядился вконец – вот и вся разгадка. Наконец, едва не искупав собственный телефон в глубокой луже, я в сердцах зашвырнула его в сумку.

И только тогда заметила, как непривычно притихла моя в общем-то далеко не молчаливая лучшая подруга. Придерживая руками капюшон, Лиля всюду озиралась, крутила головой, словно вдруг решила посчитать ворон на деревьях и крышах вдоль проспекта. Я дернула ее за локоть:

– Ты чего, а?

– Странно как-то, Савка. Смотри, теперь шестые во всех домах стоят темные. Хотя у нас в основном пятиэтажки, с ними уже все в порядке, свет горит.

Так, отлично, есть надежда, что скоро можно будет дозвониться до своих, хотя бы на домашний.

– Может, совпадение? Ну, не встал еще народ? – предположила я.

– Какое-то странное совпадение, на мой взгляд. Интересно, бывают такие профилактические отключения, по этажам?

– Я в электричестве не секу, ты знаешь. Позвони кому-нибудь из своих ухажеров, спроси.

– Да больно надо. Сейчас вот у твоего спросим, – хихикнула Лилька, становясь прежней беззаботной девчонкой – впереди уже показались отсыревшие стены нашего института.

– Что? О господи, только не это! Мои нервы и так на пре-

деле! – простонала я в полной панике.

Причина моего ужаса в этот момент стояла на ступеньках институтского корпуса и энергично сигнализировала нам обеими руками. А в остальном двор был пустынен, поскольку занятия уже шли, и только пара неповоротливых толстых псов, прижившихся на институтском дворе вроде как в статусе охранных, беспокойно прохаживалась вдоль забора.

Ужас звали Ника Лучкин, и он учился в параллельной группе. Два месяца назад, в общей суматохе и неразберихе первого дня занятий, мы, два встревоженных первокурсника с вытаращенными глазами, налетели друг на друга на узкой площадке институтской лестницы – здание, как почти все в центре, было старинное, немного несуразное и мало-подходящее для большого количества молодого порывистого народа. Я вынесла из этого столкновения ушибленный локоть, а Ника – твердое убеждение, что встретил лицом к лицу свою будущую жену. О чем за пару дней ухитрился оповестить весь институт, сведя на нет мои робкие мечты обзавестись за время учебы нормальным ухажером.

Ника раздражал меня всем – начиная от девчоночьего имени, даже не знаю, как его там полностью зовут: Никита, что ли? или Николай? Он довольно высок и поджар, но слишком длинное лицо – подбородок наполовину перекрывает шею – делает его фигуру непропорциональной, приземистой. Добивало то, что он все перемены ходил за мной по пятам и постоянно пытался тупо шутить. Единственное, что

у Ники было хорошего, – его глаза, бархатистые, карие, чуть навывкате. Когда он бывал огорчен, взгляд становился бесконечно печальным и смиренным. Поэтому моя задача при каждой нашей встрече состояла в том, чтобы в кратчайшие сроки его огорчить.

Не дождавшись нашего приближения, Ника спрыгнул с крыльца и припустил нам навстречу, сходу нагло влез под мой зонт. От этого пара спиц впилась мне в волосы, я ойкнула, схватилась за голову – и пришлось нам остановиться прямо посреди какой-то лужи. Лиля тяжело задышала от раздражения – она тоже Нику на дух не переносила, как и он ее, впрочем.

– Прости, прости, Саввушка! – Ника полез помогать, я в сердцах стукнула его по руке. – Хочешь, поцелую, и все пройдет? И да, привет, ее лучшая подруга.

– Что, разве у вас пару отменили? – сквозь зубы задала вопрос Лиля.

– Нет, пара идет, как и ваша. Просто я должен был убедиться, что моя девочка добралась нормально, не промочила ноги и мне не нужно бежать за запасной парой обуви. Если что, я готов.

Первого сентября я выпендрилась и пришла в институт в легких открытых лодочках. Начиная со второй пары зарядил такой ливень, что к концу занятий у порога института плескалась вода. Лиля неудачно приболела в последние дни лета, и в ее отсутствие я совершила роковую ошибку: позволи-

ла своему новому знакомому сбегать ко мне домой и принести резиновые сапоги, у мамы в тот день был выходной. Не скрою, мне самой хотелось похвастаться перед родными, что в первый же день занятий появился человек, готовый ради меня на маленькие подвиги. Как же потом я жалела о своем поступке: теперь Ника знал, где я живу, и вроде как считал нас одной семьей: меня, себя и моих родителей. Это было невыносимо.

– Слушай, а ты ничего странного в городе не заметил? – задала вопрос Лиля. Что само по себе необычно, так-то она Нику в упор никогда не видит, только вздыхает и закатывает глаза. Взгляд у парня мигом сделался серьезным, даже тревожным.

– Заметил. Собаки воют и срываются с поводков, хозяева в панике носятся за ними. Люди еще более раздражены, чем обычно, в автобусах ругань и вопли.

– А что, свет отключали поочередно на этажах? Мы видели сперва на пятом, потом на шестой переползло.

Ника настороженно уставился на Лилю, подозревая подвох, потом пострелял глазами по сторонам, но наш-то институт находился в исторической части города, вокруг разве что двух- и трехэтажные старинные дома из золотистого местного камня.

– Нет, такое вряд ли возможно. Видите ли, Саввушка и ее лучшая подруга...

Услышав фразочки вроде «веерное отключение» и «пере-

кос фаз в трехфазной сети», я моментом отключилась. И зашагала вперед, коварно унося зонт, Лиля – следом. Ника догнал нас уже в раздевалке, чтобы сообщить:

– Когда мы, Сав, будем жить с тобой долго и счастливо, ты пожалеешь, что плохо заботилась о моем здоровье.

Так, меня замутило; хорошо, Лилька схватила за руку и поволокла наверх, шепча в ухо:

– Подождем, пока сгинет куда-нибудь, а потом спустимся в буфет, ладно? Там как раз булочек с тмином напекли, чувствуешь запах? Все равно перемена через двадцать минут – и черт с ними, с доцентом и с деканатом.

– Ага, я и сама собиралась, хотя теперь и аппетит пропал. Лиль, ну почему все говорят и пишут, что мужчины не очень спешат жениться и вообще делать предложение? Врут, что ли?

– Не врут, – хихикает Лиля. – Хотя я тоже об этом феномене знаю только понаслышке. Вывод: или мужчины нам попадаются неправильные, или мы с тобой – особенные. Что выбираешь?

– Для меня первое, для тебя – второе, – вздыхаю я. Но Лильки уже нет рядом, унеслась на запах булочек, сунув мне в руку мелочевку для кофейного аппарата.

Когда-то в седьмом классе, в первый день учебного года Лиля буквально ворвалась в мою жизнь, перевернув в ней все до основания и создав на обломках новую меня. До ее появления я помню себя тихой застенчивой хорошисткой,

которая поддерживала ровные отношения со всеми в классе и тайно страдала от одиночества. Тогда у меня еще была стрижка-каре и густая челка до носа, которая неплохо укрывала меня от окружающего мира.

Собственно, первый раз я увидела Лилю на нашем дворе, еще за день до начала занятий, она выгуливала папашу нынешнего Гнома. По одну сторону следовал, пожирая ее глазами, парень из нашего подъезда, лет шестнадцати, с питбулем на поводке, с другой – уже совсем взрослый дядечка лет двадцати, без собаки, но очень уверенно дающий ей советы насчет содержания таксы (я слышала это, когда они проследовали мимо скамейки, на которой я сидела, держа за поводок овчарку Баха, он покинул нас год назад, после чего и был принят в семью Мухрик). Тогда мне и в голову не могло прийти, что Лиле всего тринадцать, как и мне. Я видела перед собой невероятной красоты девушку с тонким гибким телом и вполне сформировавшейся грудью, с темными густыми локонами до плеч – в каждый завиток можно яблоко уложить. А уж как независимо она держалась с двумя парнями – я начинала заикаться и мямлить, стоило существу мужского пола не детсадовского возраста заговорить со мной по любому поводу.

Грустно было осознавать, что я никогда не стану такой красивой и уверенной в себе, как эта девица, – я старательно отводила взгляд от гуляющей компании и не могла заставить себя слезть со скамейки. Бах в тот день остался крайне недо-

волен прогулкой, что и дал нам всем понять, напрудив лужу на ковре почти сразу по возвращении домой.

А на школьной линейке во дворе я с изумлением ощутила, что кто-то трогает мои волосы. Обернулась – и нос к носу столкнулась с той самой красавицей из нашего двора. Она задумчиво рассматривала мою прическу, а стоило ей поймать мой взгляд, тут же заявила:

– Тебе, девочка, совершенно не идет так носить волосы. Удивительно, почему тебя прежде никто не просветил. Как тебя зовут?

– Савватия, – выдавила я, обалдев от такой наглости.

– Что? Ого! Необычное какое имя! А полностью? Все Ф.И.О.?

– З-зачем?

– Чтобы представить идеальный образ человека, необходимо знать его полное имя! Ну, говори, не стесняйся!

Я была уже полностью деморализована и пробормотала, запинаясь на каждой согласной:

– Савватия Григорьевна Ипатова.

– Отлично! – одобрила меня прекрасная нахалка. – Теперь мне все понятно. Будем убирать челку и отращивать косу.

В тот момент вопрос с моей прической был решен на годы вперед. Как и с лучшей подругой и многими другими моментами жизни. Каждая вещь, которая с того дня приобреталась для меня мамой или мной самой, подвергалась мгновенному строгому и подчас беспощадному суду с Лилиной стороны.

Никаких коротких юбок или рваных джинсов, хотя некоторое хулиганство в образе должно наличествовать обязательно. Английский уличный стиль, капелька эксцентричности – самое то...

В конце того сентября со мной случилась кошмарная история – они вообще периодически со мной происходили. Я собиралась в школу, родители уже были на работе, брат в садике. Вспомнив свою обязанность насчет мусорного ведра, я выскочила к мусоропроводу и на площадке между этажами услышала гром захлопнувшейся двери – нашей, само собой. Помню, как в халатике и шлепках неслась через двор, каждому, кто кидал на меня изумленный взгляд, пытаясь досконально объяснить ситуацию. Заодно пропадала от тревоги, как приду в школу без портфеля – ладно хоть одежду мне Лиля наверняка подберет.

Подруга встретила меня примерно в таком же халатике, выслушала все мои объяснения и тревоги, оценила заполошный вид – а потом принесла из своей комнаты новые колготки, достала из шкафа сапоги.

– Одевайся.

– Лиль, ты про одежду забыла, – пискнула я.

– Не-а, не забыла, – подруга уже надевала плащ поверх своего халата, а мне протягивала куртку.

По пути к школе я рыдала, порывалась уйти скитаться весь день под дождем, твердила, что мы будем выглядеть идиотками.

– Ну, это от тебя зависит, – подметила тогда Лиля. – Если станешь каждому все объяснять и сходить с ума – точно будем.

В общем, весь день мы ходили по школе, сидели на уроках в халатах и без школьных принадлежностей. Если нас спрашивали о причинах такого казуса авторитетные люди – например, завуч, ради этого покинувшая свой кабинет, или учителя перед каждым уроком – Лиля объясняла. Только, по ее версии, мы вдвоем выносили мусор, а ночевала я у нее. На вопросы всех остальных небрежно роняла фразу «Так получилось». И больно дергала меня за руку, если я пыталась влезть с объяснениями. В общем, к концу учебного года во мне словно умерла от ужаса и неловкости прежняя «я» – и родилась новая, уже куда больше уверенная в себе.

– Нет, он уже на занятиях, отключил телефон, – перебил мои воспоминания голос подруги. – Вечером спрошу.

– О чем?

– Сав, ну давай, проснись уже. Пыталась выяснить у одного знакомого будущего электрика, что за ерунда творится в нашем городе. Взяла кофе? Иди за столик, булочки я сейчас принесу. Господи, после этого дебила голова раскалывается!

Я моментально напрягаюсь. Да, Лучкин – дебил, но других у меня в запасе нет. И Лиля могла бы, кажется, проявить тактичность.

– А как он тебя называет! Сав-вуш-ка, бее!

Так, еще одно болевое место задето! Родители мои, конеч-

но, молодцы: когда в моду вошло давать младенцам необычные имена, они постарались на славу, нашли самое замшелое, да еще и сомнительно женское. И я могу жить в уверенности, что вряд ли встречу свою тезку. Вот только они не учли, что никто и никогда не станет называть меня таким именем, разве что на старости лет, прохожу всю жизнь с кличками. Настроение с нуля и вовсе ушло в минус.

Глава вторая. «Это не мама, беги!»

– Ну все, я сваливаю!

К концу перемены после второй пары мои душевные силы, потраченные на терзание мобильного, закончились.

– Ой, Саввочка, а я не могу с тобой, мне на следующем занятии реферат по финансовым рискам читать, – всполошилась и огорчилась Лиля.

– А тебе и не нужно. Я только пробежусь до дома и проверю, что там и как, почему никто не отвечает. Может, еще вернусь в институт, на вторую часть пары. Ну, в любом случае, Мухрика после занятий заберу.

– А, ну давай тогда. Звони, если что, ладно? – тревожно глянула на меня подруга. – Я телефон на бесшумный поставлю и буду отслеживать.

– Конечно, сразу отзвонюсь.

И я понеслась, сначала вниз по лестнице, потом, едва набросив куртку, по мокрым улицам, под мелкой моросью, в которую истончился прежний поток воды с небес. За десять минут одолела расстояние до родного двора – в маленьких городах все рядом – и первым делом на ходу вскинула голову, разглядывая наш этаж. Свет горел везде, почему-то даже в моей комнате, а ведь выключала, точно помню.

На этот раз я все же воспользовалась лифтом: он любезно раскрылся, стоило войти в подъезд. Соседка из квартиры

рядом с нами улыбнулась мне на ходу и бормотнула слова приветствия. За ней гроыхала по бетону сумка на колесах – соседка спешила на рынок.

Потом я жала и жала на наш треклятый звонок и отчетливо слышала, как он истошно заливается внутри квартиры. Попутно припоминала телефоны экстренных служб. Да, я помнила о поликлинике, куда родители должны были везти на выписку Сережу, вот только это ничего не объясняло: как могли они не перезвонить мне, почему даже не включили телефоны? Оставили свет везде – немыслимо, зная дотошный характер отца. Бросились всем скопом на улицу искать исчезнувшего Мухрика? Да, такое возможно, хотя Сережку бы точно не взяли. С другой стороны, братец у меня не из послушных. Я жалела, что не проверила с другой стороны дома наличие на стоянке отцовской машины.

У меня занемела рука, зашумело в голове, и я без сил прислонилась плечом к холодной железной двери. И в этот момент услышала: с противоположной стороны двери что-то шуршало и позвякивало, как будто кто-то пытался открыть замок на ощупь, но не мог, а лишь возил руками по обитой кожзамом дверной поверхности. Тогда я закричала в щель:

– Открывайте, или я сейчас полицию вызову! Эй, кто там?

Дверь отворилась – на пороге возникла мама, но в очень странном виде. Все в том же халате, хотя она всегда переодевалась после завтрака, да еще перекошенном, застегнутом не на те пуговицы. Левое плечо оголено, заколотые прежде в

кичку волосы неопрятно рассыпались по плечам. Она смотрела на меня без всякого выражения и заслоняла собой проход. Мелькнула жуткая мысль, что в квартире есть чужие и опасные люди и мама сейчас пытается не пустить меня внутрь.

– Мамочка, что случилось? Папа и Сережка дома?

Но ответа я не получила: мать просто развернулась и ушла в глубь квартиры. Ее почему-то босые ноги звучно шлепали по линолеуму, оставляя влажный след. Я же только скинула туфли да куртку отшвырнула – от страха сделалось невыносимо жарко – и бросилась за ней.

Маму я нашла в спальне – она лежала поверх одеяла, ничком, подломив руку и уронив голову мимо подушки. Рядом под одеялом спал отец, кажется, он так и не вставал с утра.

– Мамуля! – Я присела на корточки, стараясь заглянуть в материнское лицо. – Ты заболела? Что мне для тебя сделать? Может, скорую вызвать?

Щелки глаз медленно приоткрылись, за ними мне почудилась какая-то муть, прозвучал непривычный, словно сорванный голос:

– Воды подай.

Я бросилась на кухню, радуясь хоть какому-то контакту. Там все было примерно так же, как перед моим уходом: залитый соком стол, сковородка с пригоревшим сырником, горка посуды в раковине. Почему-то приоткрытый холодильник – ладно, брат иногда забывает. Вода включена на полную, и от

брызг на полу уже образовались лужи – я первым делом закрутила вентили.

Отыскав бутылку минералки без газа, плеснула ее в стакан и понеслась в родительскую спальню, по пути заглянула в комнату брата – он, кажется, спал, свернувшись калачиком на ковре перед кроватью. Мать, пока я ходила за водой, кажется, тоже стала засыпать, на мои попытки напоить ее лишь вяло отмахнулась, выбив стакан из моих рук.

– Пошла вон! – эти слова сиплым шорохом вырвались из материнского рта, заставив меня похолодеть от ужаса: она никогда так ни с кем из нас не разговаривала. Я едва смогла подняться на ватные ноги и шарахнулась прочь из комнаты.

Потом, помню, я бродила по квартире с трубкой стационарного телефона в руках, пыталась сообразить, куда нужно звонить в таких случаях. Наверно, все же в скорую. Или в полицию? Меня не отпускали жуткие мысли, что кто-то побывал в нашей квартире и что-то сделал с моей семьей, но ведь все на вид было нормально, ничего не украдено, да и замок не взломан. Я зашла к брату, убедилась, что он дышит ровно и глубоко, накрыла его сверху одеялом – ничего, ковер пушистый, не застынет. Не нужно ему видеть, что с родителями не пойми что творится.

Ходить становилось все труднее, я словно прорывалась на каждом шаге сквозь невидимую паутину. Мышцы отчаянно болели, на макушку давила тяжесть, как будто мне туда гирию поставили, в мозгах тысячи молоточков устроили соревно-

вание, какой громче стучит и сильнее бьет. Вдруг я обнаружила себя сидящей на собственной кровати с телефоном в руках. Куда я хотела позвонить? И как смогу разговаривать, если слышу только этот непрерывный стук? Я подумала, что нужно хоть немного полежать и взять себя в руки, тяжело уронила голову на подушку, потом уж подтянула с пола ноги...

Что-то разбудило меня, да так внезапно, что сердце едва не пробило ребра. Я рывком села на кровати. Почему темно на улице, должен быть еще день, но светятся только окна в соседнем доме через улицу? Телефон показывал час – дня или ночи? И еще десятка четыре пропущенных звонков и сообщений от Лили, от Ники. Пытаясь обуздать дрожащие пальцы, я собралась ответить подруге – но тут телефон запищал и погас. А потом разбудивший меня звук повторился. И это был детский крик.

Кричал Сережа, я бы его голос всегда узнала. Сначала просто «А-а-а!» Потом «Пустите меня!» Крик прерывался, как будто от ударов. У меня не было времени на раздумья: только схватила свою розовую гантельку – и помчалась на выручку.

В детской горел свет, там собралась вся семья, никого чужого. И могло показаться, что они веселились от души, невзирая на поздний час. Отец и мать стояли босиком на ковре и перекидывали моего брата друг дружке с расстояния метра в три. Шарф на горле у Сережки размотался, блонди-

нистые прядки волос стояли дыбом, лицо блестело от пота. Он больше не кричал, только пыхтел, постанывал и старался удержаться на ногах. Гантелька выпала из моих рук.

– Вы что!.. – Голос мой с писком сорвался. Никто не глянул в мою сторону. В этот момент Серый наступил на волочащийся хвост собственного шарфа и захрипел, хватаясь за горло. Мать не отреагировала, отец издал булькающий звук, вроде как рассмеялся. Я вышла из ступора, рванулась вперед и схватила Сережку на руки, хотя в нормальном состоянии и поднять его давно не могла – братец был тем еще хорошо откормленным бычком. И бросилась вон из комнаты, стараясь не оглядываться.

Первоначальный мой план состоял в том, чтобы выскочить из дома и добежать до Лили. Но, к несчастью, когда я металась по квартире, то в какой-то момент машинально заперла входную дверь на два замка, еще и цепочку навесила. Теперь же у меня просто не хватило времени отпереть все это, удерживая брата – стоять сам он, кажется, не мог. А в конце коридора уже раздавались шаги, недовольное ворчание, ругань... Пришлось бежать в свою комнату и запираться на символический замочек, вмонтированный в дверную ручку.

Брата я отнесла на свою кровать, распутала шарф – он все еще кашлял и задыхался. Потом на цыпочках вернулась к двери, прижалась ухом, стараясь услышать, что происходит за ней. Шаги, снова шаги... то ближе, то вроде удаляют-

ся. Несколько раз ручка двери медленно опустилась, потом вдруг стала дергаться со страшной скоростью и грохотом. У меня хватило сил только вжаться в стену в ожидании развязки и тихонько заплакать.

Но неожиданно все смолкло. Я сползла на корточки, почему-то больше всего опасаясь, что сейчас у меня случится сердечный приступ. Кто тогда всем поможет? С родителями наверняка приключилось что-то ужасное, может, они чем-то отравились – даже скорее всего. Никакого другого объяснения у меня не было. Я вернулась к кровати, склонилась над братом: удивительно, но он снова спал. Ладно, тогда звонить, но сперва зарядить телефон. Я отыскала зарядку, подключила мобильный к сети, перевела дыхание: уже скоро смогу вызвать подмогу. Но нужно дать моему старенькому телефончику хоть пару минут, иначе может подвести в ответственный момент.

Так, что еще можно сделать? Как же я жалела, что вчера унесла ноутбук в гостиную, чтобы печатать реферат и одновременно смотреть «Голос»! Может, открыть окно и позвать на помощь? Я приблизилась к подоконнику, приложила сложенные ладони к стеклу и глянула вниз: улица была непривычно пуста. Хотя нет, вот кто-то пробежал по ней огромными скачками, наверно, спасался от дождя. Странно, как все же много окон горит в доме напротив. А вдруг сейчас все-таки день, но случилось солнечное затмение? Могло ли это таким образом повлиять на отца и маму?

В квартире нашей теперь установилась полная тишина, на смену страху снова накатило беспокойство за родителей – вот чем они сейчас заняты? Я присела на кровать и взяла Серого за руку, чтобы было все же не так страшно. Снова вернулось чувство тяжести в голове, мысли поплыли.

«Нужно чуточку полежать, пока не отпустит. Я не усну, нельзя уснуть после такого, янеусну...»

Шалопай Мухрик запрыгнул на кровать, оперся горячими лапами о мое бедро. Едва ворочая языком, я забормотала:
– Пошел вон, бандит, тебе нельзя сюда!

Но Мухрик в ответ навалился еще сильнее, задышал горячо и быстро. Кто-то рядом захихикал, кто-то на него шикнул – и смех прервался. Я резко открыла глаза.

Было все еще темно за окном и в моей комнате, но дверь в нее стояла распахнутой настежь, свет горел в маленьком коридорчике. В этом свете я разглядела отца, который, сидя на постели у меня в ногах, весь подался вперед и давил ладонью на мое бедро. Серега за моей спиной давился хихиканьем, зажимая рот обеими руками. Мать прислонилась к стене напротив: глаза широко распахнуты, палец предостерегающе лежит на губах, дышит тяжело, взволнованно.

От ужаса я не смогла закричать, но хотя бы ухитрилась скатиться с кровати. Босиком промчалась до двери, правая ступня, как на коньке, чуть не уехала прочь на открытом перочинном ноже – им, значит, расковыряли замок. Не знаю, шел за мной кто-то или нет, но замки я отворила в долю се-

кунды, скатилась по лестнице и перебежала улицу, тихонько подвывая, икая и задыхаясь. Только у Лилькиного подъезда, не в силах сделать больше ни одного движения, я приникла всем телом к железной двери парадного, собираясь с силами, чтобы набрать номер на домофоне. Но дверь оказалась не заперта – подсунутый камень мешал ей захлопнуться.

Внутри стояла крошечная тьма; я нащупала на стене выключатель, которым сами жильцы регулировали освещение на лестнице, щелкнула им – но свет не загорелся. Ладно, до квартиры рукой подать, я бы и с закрытыми глазами добралась. Но преодолеть пять ступенек до площадки первого этажа мне мешал страх – в парадном явно что-то происходило. Парой этажей выше словно бы топтались с десяток людей, шаркали подошвами, стучали чем-то по перилам – но не разговаривали.

– Танцы они там устроили, что ли, – шепнула я себе под нос, пытаясь побороть страх.

Шаги вдруг стали громче – кажется, вся неизвестная компания теперь направлялась вниз, к шагам прибавилось невнятное бормотание. Я рванула вперед и забарабанила кулаками в знакомую дверь. Потом вспомнила про звонок, но стучать одной рукой все равно не перестала.

Сначала за дверью была тишина, и я уже собиралась снова обратиться в бегство. Но потом приглушенный голос спросил:

– Кто там ломится?

– Это я, Савватия, откройте, прошу! – Я ударилась в дверь всем телом, потому что они – неведомая и невидимая в темноте опасность – были совсем уже близко. И влетела в ярко освещенную прихожую, врезавшись всем телом в Лирино отца.

Дядя Лев – так я по детской привычке его называла – был нескладным человеком с фигурой подростка, близоруким и неспешным в движениях. Но только не сейчас – он миготом оттеснил меня к стене и бросился запирать дверь. Потом вдруг припал к ней ухом, вслушиваясь в шум на площадке. На ужасный миг меня пронзила мысль, что с ним тоже что-то не в порядке. И тогда мне точно конец. Но тут из глубины квартиры примчалась Лиля с мокрыми волосами и принялась трясти меня за плечи с воплем:

– Ты где была, несчастная! Я чуть с ума не сошла, звонила, заходила к вам!

– Ты к нам заходила? – прошептала я, покрываясь изнутри ледяной коркой.

– Ну, в домофон названивала раза три – никто не открыл. Тут только она заметила мои голые ноги, заляпанные грязью, вытаращила глаза:

– Саввочка, что с тобой случилось?

Я помотала головой, давая понять, что не в силах говорить.

Как-то незаметно возникла на пороге гостиной Лилина бабушка Анна Семеновна, полностью одетая, с гладко за-

бранными волосами, не похоже, чтобы спала. Скомандовала негромко:

– Савватия, давай живо в ванную. Я сейчас туда принесу перекись и обработаю твои ноги – наверняка есть ранки.

– Мамочки, да что же это с тобой такое? – не отставала Лиля.

– Я не знаю, – ответила я честно, косясь беспокойно на так и прилипшего к дверям хозяина квартиры. Не хотелось уходить из прихожей, пока не прояснится причина такого его поведения. – С мамой и папой что-то случилось, похоже на какое-то помутнение рассудка. Они... в общем, совершенно не в себе. И брат тоже, кажется...

Теперь, начав отходить от шока, я сильно пожалела, что не утащила с собой Серого. Наверно, нужно было разворачиваться и бежать обратно за ним – но вместо этого я расплакалась в голос.

И тут же пахнущие почему-то сырниками руки Анны Семеновны крепко обняли меня:

– Ну-ну, милая Саввочка, да не волнуйся ты так. Возможно, съели чего-нибудь или выпили несвежий продукт. С учетом нынешней политической ситуации я даже допускаю диверсию. И у нас вот соседи сегодня как с ума посходили.

– Все?! – ахнула я.

– Бог миловал, – от дверей произнес Лев Исаевич. – Нет, из двух или трех квартир, вроде приличные жильцы. Отмечали, что ли, вместе что-то, не знаю. С вечера куролесят, а в

остальных квартирах держат оборону.

Словно в подтверждение его слов сквозь двойную дверь донесся грохот, сотрясший, кажется, весь подъезд, и тут же зазвонил телефон на стене в прихожей – в квартире Гальперов телефоны вообще были повсеместно. Лев Исаевич сорвал трубку и почти сразу стал уговаривать кого-то:

– Да не сходите с ума, не станут они двери ломать. Нет, даже не думайте открывать, там, похоже, дело серьезное. Должен в скором времени прибыть наряд... да-да, вызвал, и не я один, давно уже. Просто держитесь и не паникуйте.

– Вы в самом деле вызвали полицию? – спросила я, пока он вешал трубку и от волнения никак не мог попасть на рычаг.

– Конечно, еще в полночь, то есть четыре часа назад; велили ждать. Похоже, наш случай не единственный в городе.

– Да что же это такое творится?!

Мне никто не ответил, только Анна Семеновна что-то снова пробормотала о диверсии и отравленных продуктах. Тут я решилась на признание:

– Знаете, со мной тоже что-то сегодня случилось. Я пришла домой в полдень, родители уже были странные, я волновалась, хотела вызывать скорую – потом вдруг отключилась. Как будто что-то навалилось... проснулась только поздно ночью.

Лилин отец оторвался от двери, повернул ко мне острое бледное лицо и глянул очень внимательно. Меня посетила

жуткая мысль, что сейчас он из предосторожности выставит меня за дверь...

– Так, расходитесь-ка все по комнатам, нужно хоть немного поспать, – распорядился он. – Сейчас вроде потише стало.

Я хотела возражать, сказать ему, что нельзя спать, когда вокруг происходит нечто непостижимое и в любой момент каждый из нас может превратиться в кого-то другого, опасного и неуправляемого.

Но вместо этого покорно побрела в ванную, где Анна Семеновна помогла мне отмыть и привести в порядок мои ноги, а потом в Лилину комнату. Там мне уже было постелено на диване, и подруга ждала меня с чашкой ароматного чая – в ее семье чай считался самым верным лекарством от любого стресса или болезни.

Страх проснулся вместе со мной, отдых словно придал ему новые силы. В комнате еще царила полумгла, но сквозь плотные шторы властно пробивался дневной свет. В комнате я была одна, только Мухрик устроился на паласе рядом с диваном, положил морду на лапы – поза ожидания игры. Лапы у песика были влажные, похоже, ему уже удалось прогуляться.

Но даже эти признаки нормального течения событий не добавили мне мужества. Спустив ноги на пол, я прислушивалась к звукам квартиры, по-животному втягивала воздух, пытаясь определить, не вторглось ли и сюда что-то жуткое, необъяснимое. Но нет, все было привычным и уютным:

с кухни дотягивается сюда слабый запах кофе и свежей выпечки, в коридоре Лев Исаевич кому-то делает якобы строгий выговор, но голосом, полным нежности и притворного укора, – значит, «стая», то есть Гром с Гномом, опять учудила какую-то шалость.

Я вскочила с дивана, и Мухрик моментально начал подпрыгивать, как мячик, в который встроили вечный двигатель. «Заводной апельсин» – так папа его обычно называет в такие минуты. Родители, что с ними теперь?.. По пути на кухню я завернула в ванную, выдавила на палец зубную пасту, сполоснула лицо и руками пригладила стоящие дыбом со сна волосы. Сотрясающая меня изнутри нервная дрожь никуда не делась даже от этих, таких привычных действий. И отправилась на кухню. Там все небольшое семейство уже сидело над пустыми тарелками, переговаривалось о чем-то, сблизив головы, совсем тихо, тревожно. Беззвучно работал телевизор на стене.

– О, смотрите, кто проснулся! – первой заметила меня Лилия и помахала рукой. – Давай за стол, бабанины пирожки остывают.

– Сейчас свежего кофейку сварю, – поднялась с табуретки Анна Семеновна, заспешила к плите. Возникло стойкое чувство, что от меня что-то скрывают.

– А где беспокойные соседи, их уже забрали?

– Пару часов назад приезжал наряд, – как-то обтекаемо ответил Лев Исаевич.

– И их увезли?

– Не совсем. Полицейские заходили сюда, поскольку от нас первых поступил вызов. Сказали, что подобные вспышки бесконтрольной агрессии происходят по всему городу, все отделения забиты под завязку. Потому они, кстати, и добирались к нам столько времени. Но к их приезду наши бузотеры уже просто дрыхли на чужих ковриках. Так что их после моей консультации разнесли по квартирам и уложили в постели. С указанием звонить, если они снова затеют противоправные действия. Но пока все тихо.

Лев Исаевич всегда говорил очень обстоятельно.

– Кстати, занятия в школах и институтах отменили, – едва он замолчал, сообщила мне Лиля. – В местных новостях передали.

Но тут же поступила поправка от ее бабушки:

– Вообще-то сказано было только про детские сады и школы.

– Ой, бабуль, ну и про нас, значит, просто у нас институтов всего-то два на весь город! У педагогов небось тоже дети есть или внуки, больно им надо на работу переться, когда такое творится!

– А что творится? – вздрогнула я, все еще стоя в дверях.

– А никто пока не в курсе, к сожалению. – Лев Исаевич подошел, положил мне на плечи необычно крупные для такого сублильного мужчины руки, мягко переместил к столу и усадил на табурет. – Но скоро все прояснится. Так, семей-

ство, я отбываю, звоните при малейшем...

Я погрела руки о кофейную чашку, даже отхлебнула немного – но при этих словах профессора немедленно подскочила на ноги.

– Мне нужно сходить домой!

– Конечно, одевайся, – тут же уловил ход моих мыслей Лев Исаевич. – Я провожу тебя до квартиры, а там поглядим.

Тепло разлилось по груди от радости, что войду туда не одна. Профессор, который годами был для меня просто «Лилин папа», вдруг показался мне настоящим героем.

– Я тоже с вами! – поднялась и Лиля, но отец ответил ей коротко и исчерпывающе: – Нет, ты, егоза, пожалуйста, побудь с бабушкой. Мы скоро.

Пять минут спустя мы стояли в некоторой растерянности перед нашим парадным. Выглядело тут все – будто Мамай прошел: доска объявлений сорвана и разбита о железную дверь на мелкие щепки, кодовый замок вырван и исчез, только проводки торчат. Лев Исаевич первым вошел внутрь, огляделся, поморщился: невыносимый запах публичного туалета за одну ночь прочно поселился на лестнице.

Лифт работал, я машинально нажала на кнопку вызова, но, когда разъехались его двери, профессор первым туда заглянул – и немедленно утянул меня к лестнице со словами:

– Ладно, прогуляемся лучше пешочком.

Я к тому моменту была так напугана и подавлена, что молча во всем ему подчинялась.

Вот и нужный этаж. Мои дрожащие руки неловко роются в кармане пальто, тащат ключ, но он почему-то никак не желает проворачиваться в замке. Дядя Лев мягко отводит мои руки, пробует – безуспешно – сам, потом просто толкает дверь – и она распахивается. Я ловлю на себе вопросительный взгляд, бормочу испуганно:

– Да, я же не закрыла, когда убежала, а они... наверно...

Мне до тошноты страшно: в открытую квартиру за ночь мог ворваться кто угодно, или, напротив, мои родители и брат покинули ее в неизвестном направлении.

Цепляясь за дверь, я на дрожащих ногах вслед за моим провожатым вступаю в прихожую, внезапно вздрагиваю: мне кажется, будто на полу приготовилась к броске желто-зеленая змея. Но Лев Исаевич подбирает ее – это всего лишь шарф, чужой, у нас ни у кого такого нет, – и кладет на тумбу. Скидывает ботинки и идет напрямиком в родительскую спальню. Когда я собираю все свое мужество, чтобы зайти следом, он уже щупает пульс у мамы, лежащей на спине почти поперек постели. Брат свернулся в ее ногах, дышит тяжело, как больной щенок, вздрагивает со всхлипами, в общем, живой. Но папы тут нет.

– Не бойся, Саввочка, они просто спят, – закончив скорый осмотр, говорит мне профессор. – Нормальный здоровый сон.

И идет дальше, в гостиную.

Отец там, он лежит ничком на диване, рука упирается в

ковер, голова зависла над краем. Но я не успеваю умереть от ужаса – дядя Лев стремительно пересекает комнату, берет ту самую свисающую руку, успокаивающе улыбается мне.

– Сав, воды принеси!

И я отправляюсь на нашу кухню, которую невозможно узнать: тут опрокинуто и побито все, что можно опрокинуть и разбить, холодильник распахнут настежь, полки вытянуты и продукты разметаны по полу. Я снова начинаю думать, что в квартире все же побывали чужие. Воду приходится набрать из-под крана и не в чашку – не вижу ни одной целой, а в пластиковый контейнер. Спешу назад в гостиную, но застываю в шаге от порога, услышав какой-то странный голос отца – будто его горло забито песком:

– Что такое? Это больница?

– Да бог с тобой, Гриша, это твой родной дом, – ласково уточняет дядя Лев.

– Мой дом, в смысле? А ты откуда появился, Левка? Почему я тебя обычно вижу в самые плохие дни жизни?

Лев Исаевич издает какой-то горловой звук, похожий на печальный смешок. И затем произносит странную фразу:

– Потому что история повторяется, Гриша. Помнишь, что было двадцать пять лет назад?

Ого, вот это неожиданно. Я старательно напрягаю слух, даже прикладываю ладонь к дальнему уху.

– Что было? Ничего я не помню, это ж я пацаном тогда был...

Голос отца постепенно затухает, звуки сливаются в кашу.

– Пацаном ты, конечно, был, а вот забыть – вряд ли забыл, – доносится до меня спокойный ответ профессора.

Поскольку разговор не возобновился, я все же зашла в комнату, протянула дяде Льву нелепую тару с водой, прежде чем он успел освободить мне место на краю дивана. Отец все еще внушал мне ужас, и я не знала, как скоро залечится эта рана. Потому поспешила покинуть гостиную, в своей комнате по-быстрому переоделась, причесалась и связала волосы в хвост – для традиционной косы слишком ныла голова.

Льва Исаевича я обнаружила на кухне, он с близоруким прищуром озира́л весь этот погром, нервно потирал ладони. Услышав мои шаги за спиной, произнес:

– Знаешь, Саввочка, тебе трудно будет управиться с этим бардаком. Предлагаю пока побыть у нас, вечером я приду с работы и мы все вместе тебе поможем. Вполне возможно, твои родители скоро будут в норме, но, боюсь, не сегодня...

– Дядя Лев, а что случилось двадцать пять лет назад? – перебила я.

Лилин отец поднял на меня встревоженные глаза:

– Услышала, значит? Слухастая. В общем, тогда в городе тоже творилось нечто странное. Говорили про отравление американской гуманитаркой, но это так ничем и не подтвердилось.

Тут я спохватилась:

– Погодите, вы ведь переехали в наш город лет шесть на-

зад, даже меньше, разве нет? Лиля тогда пошла в седьмой класс. Так как же вы говорите?..

– Ну, в моем случае это стало возвращением, – ответил профессор. – Тогда были сложные времена, зарплату не платили, а моя жена – ты никогда ее не видела – тяжело болела, нуждалась в хорошем питании, натуральных продуктах. Я уволился, и мы перебрались на Украину, к ее родителям, там и наша Лилия родилась. А после смерти жены мы вдвоем с дочкой вернулись сюда, к моей матери.

Тут он глянул на часы, сокрушенно покачал головой:

– Все, должен бежать. Пойдем к нам, Саввочка, очень тебя прошу. Пообедаешь, отдохнешь...

Но я решительно мотнула головой:

– Нет, я не могу оставить родителей, когда они непонятно в каком состоянии. И нужно хоть немного прибраться. Здесь же, ну... мне можно остаться в квартире?

Понурый и озабоченный вид Льва Исаевича красноречиво говорил о том, что он в этом отнюдь не уверен.

– А... что-то еще может случиться?

– Давай, Сав, договоримся, – перебил меня профессор. – Если ты вдруг почувствуешь себя в опасности, немедленно бросай все и беги к нам. По улицам одна никуда не ходи. Включи телевизор на городской канал, возможно, будут какие-то новости. И лучше все же...

– Нет, не могу!

– Ладно, тогда хоть почаще созванивайся с моей Лилей.

Все, побежал!

Стоило Лилиному отцу торопливыми шагами покинуть нашу квартиру, как я всем нутром осознала, что только изображала из себя смелую и самостоятельную. Теперь же ужасно хотелось броситься следом, закричать, догнать – только не оставаться здесь. Призвав на помощь все свое мужество, я с мрачной решимостью набросилась на кухню.

Уборка никогда не была моим коньком, так что, ворочая весь этот хлам, раз за разом вынося на площадку набитые мусором мешки, я ощущала себя просто героиней. Уцелевшие вещи и пригодные к употреблению продукты раскладывала на столе, пока что он и наполовину не был заполнен. Когда удалось отыскать заварку и сахар, сделала чай и первую чашку понесла отцу – кажется, мать с братом так пока и не просыпались.

Отец сидел на диване и курил, скидывая пепел прямо на ковер – вещь просто невозможная, пришлось подсунуть ему блюдце в качестве пепельницы. На меня он даже глаз не поднял, может, что-то вспомнил из тех давних лет и теперь мучительно переживает? Я предпочла в это не вдаваться, вылетела пробкой прочь. Занялась ванной комнатой, где тоже обнаружились следы непонятного погрома.

Когда я закончила, со стороны кухни уже доносились обычные повседневные звуки, и мне стало чуточку легче. Ненадолго, как оказалось. Вернувшись туда почти бегом, я обнаружила мать – она широко распахнула дверь холодиль-

ника и, уперев ладони в полусогнутые колени, что-то там высматривала. Потом только я заметила брата, который в дальнем углу кухни забрался с ногами на табуретку, теребил как-то заторможенно бахромку шарфа, тащил из нее нитки. Он не поднял на меня глаз, да и мать не обернулась. Только спросила сухим недовольным голосом:

– Что, черт возьми, случилось с нашей квартирой, ты можешь мне объяснить?

Я не могла, честно. Но говорить что-то было нужно, и я забормотала:

– Ну, в городе массовое отравление, вам тоже вчера было совсем плохо, потому так и получилось.

Мать застыла на секунду, оглянулась с упаковкой кефира в руках – и во мне затеплилась надежда. Вот сейчас она спросит, что произошло, где отец, как я себя чувствую, в конце концов. Но мгновенный интерес, вспыхнувший искоркой в широко распахнутых глазах, так же быстро потух, словно припорошился сверху слоем пепла. Мать перевела глаза на брата, по-прежнему дерущего шарф. Вдруг упаковка полетела в его сторону, стукнулась о батарею и залила белесыми потеками только что намытый мной пол. Следом раздался почти нечеловеческий визг:

– Почему ты не замотал свое поганое горло?! Ты достал меня уже со своим кашлем и прочими болячками!

Сережа зарыдал немедленно и на самой высокой ноте, едва не свалился с табуретки. Подбежав, я помогла ему удерж-

жаться, вынула из судорожно сжатых рученок шарф, заново обмотала горло – брат немедленно зашелся надрывным кашлем.

Мать как ни в чем не бывало отошла к столу и расправлялась там с банкой шпрот, закидывая рыбешку за рыбешкой в рот прямо пальцами. При этом не сводила с нас тяжелого взгляда исподлобья. На плите тихонько засвистел чайник.

– Я сейчас свежий чай сделаю вам обоим! – воскликнула я с нарочитым энтузиазмом, наклоняясь над столом, чтобы расчистить пространство. И тут мать закричала снова, на этот раз в меня вперяя полный злобы и раздраженной подозрительности взгляд:

– Что волосы распустила? Перед кем собираешься хвостом своим мести, перед отцом, что ли?!

Схватившись за голову, я вылетела из кухни, укрылась в своей комнате. Что происходит с родителями теперь? Вчера в их тела словно вселилось что-то страшное, чужое, полностью подавив личную волю. Но сегодня это они, помнят, разговаривают – и все стало только еще ужасней. Но теперь даже не позвонишь в скорую, не скажешь: «Помогите, у моих родителей за ночь переменялись привычки и испортился характер».

Глава третья. Путь волка

Звон мобильного заставил меня совершить прыжок на месте. Не глядя на вызов, поднесла аппарат к уху и услышала срывающийся от волнения голос своего воздыхателя Ники Лучкина:

– Саввушка, это ты?! Я уже полдня пытаюсь до тебя дозвониться, сотни раз набирал!

– Ника, прошу, не кричи так, – поморщилась я. – У меня забот выше крыши, целый час кухню в порядок приводила, не слышала звонков.

Я что, оправдываюсь перед ним? Но нужно признать, что сейчас даже Нику я была рада слышать.

– Понимаю, видел вашу кухню, – пробормотал он.

– Что? Как?!

– Я заходил к вам ночью, ну, скорее под утро. Когда проснулся от воплей за окном и понял, что в городе черт знает что творится.

– А, так это твой шарф я видела на полу...

– Ага, точно. После единственного вопроса к твоему отцу мне пришлось в темпе делать ноги из квартиры, а шарф я еще прежде снял и...

– Да поняла, поняла! – привычно начала раздражаться я. Значит, безумие не коснулось Нику, и это хорошо, очень хорошо, но и как-то обидно: чем он лучше моих папы и мамы?

– А твои родители в порядке? – догадалась все же спросить. Повисла пауза, потом Ника откашлялся и произнес разочарованным голосом:

– Саввушка, милая, я десятки раз тебе говорил, что живу в этом городе один, у своего приятеля. Когда ты заходила ко мне с Лилей, то всякий раз об этом спрашивала, так что я даже подумываю о табличке на двери...

– Ой, да, прости! – оборвала я его как можно убедительней; в самом деле, можно было и запомнить уже. – Я, кстати, как раз у Лильки и была ночью.

– Да знаю!

– Черт, это-то откуда?

– Саввушка моя, ну начни уже думать своей красивой головушкой! Я с ночи тебя ищу, неужели не додумался созвониться с твоей лучшей подругой? Еще ночью, ты тогда спала. Но я хотя бы смог спокойно вернуться домой.

– Ясно, – пробормотала я совсем упавшим голосом, потому что с кухни теперь доносился визг матери и взвинченный, злой голос отца. – Спасибо, что так переживаешь за меня.

Ника как-то странно замешкался, подавился воздухом, наверно, был поражен тем, что в кои-то веки я говорю ему что-то хорошее. Потом предложил:

– Слушай, мы можем встретиться прямо сейчас? Я стою в подъезде твоего дома...

– Ой, у меня еще уборки по самое... – на самом деле я обдумывала план бегства к Гальперам, и мне было не до встреч.

– ...и мне ужасно холодно без шарфа, Саввушка, не будь же такой жестокосердной!

– Ладно, сейчас будет тебе твой шарф, жди, – рявкнула я и отключилась.

Прислушалась: в квартире стояла недобрая тишина, которая для меня сейчас была страшнее криков. Я пожалела, что не попросила Нику подняться за мной, и была почти готова перезвонить ему. Но все же осмелилась приоткрыть дверь комнаты. Коридор пуст, это хорошо. Я на цыпочках отправилась к входной двери. Когда проходила мимо кухни, замерла и прислушалась: родители разговаривали совсем тихо, скорее, шептались. Я поспешила покинуть квартиру.

Ника в ожидании меня топтался на дорожке перед дверью парадного, вид в самом деле замерзший и несчастный, шея голая – шарфа у него запасного нет, что ли? Метнулся ко мне, крепко обнял, даже, кажется, планировал поцеловать под шумок. Но я отстранилась, и он только провел пальцами по моей щеке, заставив поморщиться: пальцы были холодными и влажными одновременно.

– Вот твой шарф! – Я протянула ему скомканную желто-зеленую змею.

– Не повяжешь? – с надеждой спросил парень.

– Нет, сам. И объясни мне, что вообще происходит в этом городе!

Ника, начав обматывать шарф прямо поверх поднятого воротника матерчатой куртки, замер и пару секунд взирал

на меня с изумлением. Потом сказал:

– Но, милая, ты разве не смотрела сегодня новости? О нашем городишке говорят уже по всем каналам. Подозревают случай массового отравления. Скорее всего, какая-то гадость была в напитках или в полуфабрикатах. На территории города есть, похоже, какое-то подпольное производство, клепающее товар под фирменной маркой и поставляющее его только в наши магазины, потому что нигде больше не случилось ничего похожего. Ну, этих бракоделов уже ищут, проверяют все нежилые площади, опрашивают население, чем они питались в последние дни...

– Но почему отравились только некоторые?! – не хватило у меня терпезу выслушивать его обстоятельный доклад.

– Саввушка, ну что ты, в самом деле? Люди ведь употребляют в пищу все разное...

– Ерунда! В нашей семье все едят одно и то же, а именно – что мама приготовит. Я, конечно, ем еще и в институте, но не я же слопала отраву!

Насколько я знаю, родители терпеть не могут что-то перехватывать на стороне, брезгуют пищей, приготовленной чужими ненадежными руками, да и мама всю последнюю неделю сидела дома с братом. Сережка вот еще любит томатный сок и луковые кольца, которые больше никто в нашем доме не употребляет, но ясно, что дело не в них. Все это я сбивчиво изложила Нике.

Мой ухажер выразительно повел плечами, теперь вся

нижняя часть его непропорционального лица была небрежно укутана шарфом и напоминала спеленатую челюсть мумии.

– А что было ночью? Почему ты вообще понял, что в городе что-то не так?

– Ну, как было уже сказано, я услышал крики на улице и в подъезде. Растолкал друга, вместе мы сначала пытались вспомнить, что за праздник такой сегодня, а потом сообразили, что дело плохо. Одна компания начала пулять камнями по окнам нашего дома, по телефонам полиции и участкового отвечали, что все группы уже на выезде. Я стал обзванивать ребят из нашей группы, почти никто не спал, хотя некоторые так и не взяли трубку. Потом набрал тебя, ты тоже не брала. Испугался и побежал к тебе.

– Один? Или с другом?

– Нет, друг остался дома, нельзя было оставлять квартиру без присмотра. Плюс у него домашняя питомица недавно ошенилась, бегала в панике по всей квартире и пыталась перепрыгивать своих детей, ее было не бросить. По пути пару раз за мной гнались какие-то недоумки, но отставали, когда теряли из виду. Я же проворный, прятался от них за деревьями или за домами!

Я невольно испытала приступ уважения к Нике: погонись за мной кто на темной улице – да меня бы просто парализовало от ужаса.

– Хуже всего было в вашем подъезде, – продолжал он свой отчет. – Дверь-то оказалась распахнутой настежь, с ней про-

блем не возникло, но на третьем этаже орали, дрались, ломились в квартиры, а лифт где-то стоял заблокированным. Пришлось прикинуться таким же, как они, орать и материться, пока не пробрался мимо. Дверь в вашу квартиру была приоткрыта, и я до смерти перепугался. За тебя, Саввушка.

Замолчал, тяжело и протяжно вздыхая. Я выждала немного, потом спросила, заранее обмирая:

– И что там было?

Еще один тяжелый вздох.

– Ну, сперва мне показалось, будто все в порядке. Я не стал вламываться, скромно позвонил и ждал на пороге. Почти сразу в прихожую вышел твой отец и нормальным голосом спросил, что мне нужно. Напрягло только то, что его не удивила открытая дверь и вопли из подъезда. Я попросил позвать тебя, он сказал, что сейчас разбудит, но ушел в сторону кухни. И долго ничего не происходило, я успел снять куртку, разулся. Потом не выдержал, подошел на цыпочках к двери кухни – он прикрыл ее за собой – и немного послушал.

Пауза.

– И что? – сквозь клацанье зубов спросила я.

– Они там шептались, твои отец и мать. Очень быстро и тихо, ничего нельзя было разобрать. Как будто обсуждали, съесть меня сырым или лучше все же подрумянить. Мать твоя иногда как-то всхрапывала, как будто смеялась. И сразу ойкала – может, он бил ее или щипал, чтобы потише себя вела. Я пробежал к твоей комнате, заглянул туда, в ванную,

в общем, убедился, что тебя в квартире нет. А потом выскочил из квартиры, только куртку схватил и ботинки, обулся уже в подъезде. Ну, дальше ты знаешь.

Я молчала, переживая всю эту жуть, в голове стоял шепот отца и матери, который я сама слышала совсем недавно. Нервы не выдержали, я затряслась и тихонько завывала. И даже не вырвалась с руганью, когда Ника обнял меня за плечи.

– Саввушка, ну что ты, все уже позади...

– Ничего не позади, – сквозь всхлипы пробормотала я. – Они и сейчас там тоже шепчутся. Вроде стараются вести себя нормально, но ничего у них не выходит.

– Миленькая моя, хорошая, ну не может же сильное отравление разом взять и пройти! Хуже бы было, если бы они все сейчас валялись в нашей больнице и врачей бы не хватило всем помочь...

– Да не верю я в версию отравления! – закричала я, все же выползая ужом из немилых объятий. – И еще я слышала, как отец Лили сказал, что такое случилось уже в нашем городе двадцать пять лет назад. Тогда тоже говорили про отравление, но он сам так не считает, по-моему, а ведь дядя Лев – врач.

Ника скосил на меня свои выпуклые, чуточку песьи глаза, посмотрел как на несмышленища.

– И что с того? Массовые отравления случай не редкий, а четверть века назад вообще были трудные времена, люди ели что ни попадя.

Мне наскучило спорить и торчать на улице, где мимо нас то и дело проходили странные компании и личности. Ничто не говорило о том, что сегодня обычный будний день. Я хотела к Лиле, в тепло и уют моего почти второго дома, оставалось лишь как-то избавиться от Ники.

– Слушай, глупо тут стоять, еще привяжется кто. Пойдем к Лильке?

Я хорошо знала, что делаю: в последнее время отношения Ники с моей подругой испортились вконец.

– Не собираюсь и тебе не советую, – поморщился парень. – Знаешь, я ведь тоже могу о тебе отлично позаботиться. А у Гальперов бывала бы ты пореже, что ли...

– Что?! – я даже ушам своим не поверила. – Ты мне указываешь, где бывать?! Да по какому праву, черт возьми!

Ника и сам вроде смутился, вскинул обе руки, сдаюсь, мол. Но следующие его фразы прозвучали вполне твердо и продуманно:

– Просто мне не безразлична твоя жизнь, Саввушка. А твоя Лиля... она красотка, конечно. Таскает тебя в своей свите, умышленно понижает твою самооценку...

Чувствуя, что меня колотит от бешенства, я нанесла ужасный удар:

– Но пока не настолько понизила, чтобы я разговаривала тут с тобой хоть еще мгновение!

Ника заморгал, приоткрыв рот, глаза тут же сделались беззащитными и потрясенными. Но мне некогда было любо-

ваться произведенным эффектом – я прямо по лужам шагла к дому подруги. Через мгновение Ника догнал меня, молча пошел рядом. Да он что, вообще непробиваемый?

– Провожу, чтобы никто не привязался, – сквозь зубы просипел он на мой невысказанный вопрос. Тут у него зазвонил мобильник – и это избавило меня от необходимости отнекиваться, ну пускай его идет рядом, еще до конца беседы я буду у нужного парадного.

– Вот как? Не, на мой взгляд, хорошая идея, полностью за, – против желания слушала я голос Ники. – Со мной тут Савватия, да, мы вместе, – я метнула на него разъяренный взгляд, – и сейчас мы рядом с домом Лили Гальпер. Да, поговорю с девушками, заметано.

Он договорил и без спешки вернул телефон во внутренний карман куртки, вынудив меня все же задать вопрос:

– Это кто был? И что за идея?

– Что? Ты со мной разговариваешь теперь?

Боже, как же я ненавижу эти штуки! Сделала большой и решительный шаг вперед, но Ника поймал меня за капюшон куртки.

– Ну, прости, Сав, не злись на меня. Это Вовка Тоболец звонил, просит всех как можно скорее собраться в институте.

– Зачем?!

– Ну, есть у него идея, не лишенная смысла, скажем так. Но он толком ничего не пояснил. В любом случае, как гово-

рится, не стоит отделяться от коллектива, особенно в трудные времена.

Я презрительно хмыкнула: слово «коллектив» для меня ничего не значило, это что-то из поколения моих родителей. Ника протянул руку к железной двери парадного, но она сама распахнулась, едва не стукнув его по лбу, оттуда в своей стремительной манере выпорхнула Лиля, широко распахнула на нас глаза и защебетала:

– О, привет, Саввочка, я к тебе решила забежать, а вы чего тут вдвоем делаете?

– Староста просит всех собраться в 102-й аудитории для важного разговора, – глядя в сторону, все же ответил ей Лучкин.

– Какой еще староста? А, Вовка-то. – Лилия не смогла сдержать довольной улыбки – Тобольцев входил в число ее самых верных поклонников. – Ну, почему бы не сходить, может, нормальные новости узнаем, а не ту брехню, что по ящику гоняют весь день. Ты пойдешь, Сав?

И мазнула взглядом по моим окнам. Я тоже на них глянула – и, хотя все выглядело мирно, меня сотряс озноб. Скоро ли смогу по-прежнему без страха и опаски вбегать в родное парадное?

– Пойду, – вздохнула я. Мне без разницы было, что делать, лишь бы оттянуть возвращение домой и поменьше думать о родителях.

Путь к институту оказался далеко не таким простым, ка-

ким должен бы, учитывая, что ходу-то всего четверть часа небыстрым шагом. Сначала на проспекте, где переход был по умолчанию, нам пришлось огибать место аварии – уже оцепленное, с двумя машинами скорой. А потом за сбербанком пешеходка оказалась оккупирована дерущимися парнями, наверно, из ближайшего колледжа. Пройти мимо мы не рискнули – даже от тех, кто просто глазел и подбадривал, веяло агрессией и жаждой крови.

Но мы уже притерпелись: зорко поглядывали по сторонам, огибали мало-мальски опасные места или просто подозрительные скопления народа. Пока Лиля и Ника ожесточенно спорили о причинах случившегося, я плелась в арьергарде и пыталась звонить маме. Все в моей душе трепетало и вопило: «Мамочка, ответь! Спроси меня обычным своим голосом, где я шляюсь без обеда, отругай, что убежала без шапки! Только дай понять, что кошмар остался позади!»

Но мама не отвечала. Как и брат, и отец; и по домашнему никто не брал трубку.

Вид родного института радовал уже тем, что все там оставалось нормально и по-старому: техничка разъяренно ворчала, что шляемся без дела в неурочное время и зачем пришли, когда нормальные люди сидят по домам, не приму пальто – и точка. Да мы и не настаивали, прорвались в сторону столовой, а рядом с ней находилась та самая аудитория, 102-я, которую мы почему-то считали нашей.

Народу в ней оказалось предостаточно: и наших человек

пятнадцать, в основном парней, и из других групп ребята, которых по своей необщительности я знала только в лицо. Все галдели, толпились, показывали что-то друг другу на экранах смартфонов. А на кафедре в выжидательной позе застыл наш староста Володя Тобольцев. Перед ним на учительском столе лежали кучей пакеты с бинтами и еще всяческие штуки для аптек, красная лента непонятного назначения и связка спортивных свистков на шнурках.

Сказать по-честному, он мне нравился, наш староста, даже чересчур. Нравился с того самого дня, третьего сентября, когда мы в первый раз столкнулись с ним в столовой и он уступил нам свое место в очереди. Я говорю «нам», но на самом деле заметил он тогда только Лилию, и с тех пор на нее глядел, ее слушал, а меня в отрыве от подруги не всякий раз даже идентифицировал, равнодушно проходил мимо.

Я самоотверженно несла этот крест равнодушия, ничем не выдавая себя в глазах Лили – думаю, прознав про мои страдания, она просто перестала бы с ним общаться. Такое уже бывало прежде. Для Лили это бы был тысяча первый отторгнутый поклонник, для Тобольцева – катастрофа. Так что я жертвовала собой ради него.

Все, что я могла себе позволить, – это смотреть на него на лекциях, а еще лучше – на редких собраниях группы, обычно перед праздниками, по поводу поздравления педагогов. Мне нравились его зачесанный назад пшеничный чуб, темно-синие глаза, упрямый подбородок с ямочкой и чуточку

по-детски щекастое лицо. Глядя на него, я переносилась в параллельную реальность, в которой не было Лучкина и не было Лили.

Стоило нам всем скопом появиться в дверях аудитории, как Володя приободрился и вскинул голову, его звучный сильный голос легко перекрыл шум в аудитории:

– Ребята, ша, есть разговор!

Шум почти сразу смолк, десятки заинтригованных взглядов обратились к нашему старосте. А Тобольцев стоял на возвышении, напряженно вытянувшись, чуть подавшись вперед – и говорил ровно и веско, словно впечатывал в сознание слушателей каждое слово:

– Ребят, вы все в курсе, что в нашем городе случилось что-то странное. И мы пока не знаем, осталось ли худшее позади, не будет ли новой волны отравлений – или уж не знаю, что это такое.

По его тону мне показалось, что Володя так же мало верит в теорию отравленных продуктов, как и я, – это было приятно.

– На улицах сейчас неспокойно, вы своими глазами это видели, пока шли сюда. Пока власти во всем не разберутся, могут пострадать дети, женщины, да кто угодно. Поэтому я предлагаю нам не оставаться в стороне, а организовать студенческую дружину: разбиться на группы и ходить по городу, следить за порядком. Вот это я и хотел вам сказать. Что думаете, народ?

Народ, по-моему, выглядел здорово ошарашенным, наверняка никто не ожидал от старосты такого масштабного предложения. Миниатюрная Дина Ветрова спросила с первой парты:

– А нам самим разве не опасно находиться на улице, пока там такое творится? Меня родители и сюда со скрипом отпустили, брат на машине отвез.

– Ну, девочкам, может, в этом участвовать и не стоит, – легко согласился с ней Тобольцев. Дина беспокойно заерзала на стуле, дернула почти детским по хрупкости и размеру плечом, возмутилась:

– Нет, ну это что еще за разделение, надо значит надо.

– Девочки могли бы взять на себя роль санитарок при группах. – Володя вдруг задрал свитер на животе и показал, что рубашка теперь доходит ему до груди, подол начисто оторван. – Это я одному чуваку перевязку делал по пути сюда, на него пацаны всем скопом напали, без всякой причины ножом пырнули. А потом зашел в аптеку и купил все необходимое. – И потыкал пальцем в кучки на столе.

– Не, это хорошая идея, – высказался с задов какой-то долговязый парень с параллели. – Можем на всю страну прогреметь, если о нашем почине сюжет снимут. А еще лучше сами все заснимем как-то пострашнее и смонтируем что-то по типу «Ведьмы из Блэр», идея?

Одобрительный шумок. Но Володя от такой поддержки вовсе не расплылся в счастливой улыбке, а сказал сурово:

– Так, Даня, мы это делаем не чтобы лайки зарабатывать, кто настроен подобным образом – прошу на выход. Речь идет о безопасности нашего города.

Именно такая реакция всех убедила, аудиторию никто не покинул, раздались выкрики по типу «Да, согласны». Староста тут же пустил в толпу листок с пояснениями:

– Записываемся по три-четыре человека, и чтобы обязательно в группу вошла парочка крепких парней.

После чего спустился с кафедры прямо к нам, так и стоящим в районе входной двери, и спросил, традиционно приглаживая ладонью вихор:

– Ну что, возьмете четвертым? Если, конечно, собираетесь участвовать.

– Ну, в стороне точно не останемся, – выпятила подбородок Лиля.

Ника вместо ответа одобрительно похлопал приятеля по плечу и спросил:

– Остальных наших не удалось сюда заманить, так?

Володя заметно помрачнел:

– К двоим я даже заходил – они в полном ауте. И еще человек пять не отвечают на звонки, а это плохой знак: я уже усек, что те, кого эта дрянь накрыла, не реагируют на телефоны, как будто не в состоянии сообразить, что это такое.

Я на этих словах вернула в карман мобильник. Понятно – бесполезно, значит.

– Ну, некоторые просто отказались, кого-то родители не

пустили.

– Кто из наших... ну, на звонки не отвечает? – испуганным шепотом спросила Лиля.

Тобольцев глянул на нее в некотором замешательстве, но ответил твердо, как редко когда с ней прежде говорил:

– Не хочу называть их имена, прости, Лиль. Скоро все это пройдет, и они снова будут в порядке.

– Но в официальную версию с отравлением ты не веришь? – уточнил Ника.

– Да ну, чушь все это, внимание отвлекают.

В это время к нам вернулся листок с записанными по группам именами. Володя твердым округлым почерком вписал туда и нашу группку, потом снова поднялся на возвышение и начал распределять между записавшимися районы города и время дежурств, а я в очередной раз восхитилась, как ловко у него получается пресекать на корню все возражения типа «Чего так далеко от моего дома» или «Да ну, мне это местечко не нравится». Потом он указал на учительский стол:

– Так, разбирайте бинты, перекись, а вот тут свистки, это на случай, если нужно привлечь к себе внимание. Хотя я еще заметил, что неадекватны пугаются резких звуков. Другие группы, если слышат сигнал, тут же несутся на помощь. Ленту девочки сейчас нарежут, вяжем на рукава, чтобы своего видеть издалека. И нас чтобы видели. Мой телефон все знаете, будем постоянно на связи. Ну, давайте, ребята!

Институтский народ начал расползаться – правда, очень медленно, как будто теперь они не до конца верили, что подписались на такое. Последние две тройки Володя прямо до двери провожал, поддерживая и вдохновляя. Когда вернулся к нам, Ника спросил почти весело:

– Ну, вожак, а нас с собой куда отправишь? Ты не назвал место, наверное, что-то особенное заготовил.

– Точно, – бодрым голосом согласился Володя, хотя я заметила усталость в глубине его глаз. – У нас группа большая, остальные все на двойки и тройки поделились. Так что, думаю, сможем взять на себя парк и лесопарковую зону отчасти. Конечно, туда нормальный человек в такой ситуации не сунется, но вдруг. Ну, готовы?

Не могу сказать, что его фраза насчет нормального человека меня сильно вдохновила, но отступать-то было поздно. Мы дружно выразили готовность выдвигаться на дело.

До парка добрались за десять минут и еще за час прошли его пару раз вдоль и поперек. Всегда такие оживленные парковые аллеи непривычно пустовали, не сунулись сюда и те компании, что беспредельничали сейчас на улицах города. Наверно, причиной был холодный мелкий дождь, бьющий в лица мириадами мелких иголок. А в спасенных у нас за все это время числилась только одна утка. Наши парковые утки, раздобревшие и ленивые, давно привыкли к массам туристов и жителей города, желающих непременно накормить их до отвала, потеряли осторожность и спокойно выходили на бе-

рег к людям. Так что даже эта птица, которую тащил за лапы рыхлый мужик с лицом, лишенным всякого выражения, явно не сознавала всей степени своей беды, а только вяло открякивалась.

Вначале наши парни вступили в переговоры с мужиком, но он ни на что не реагировал, лишь скалился и косил глазами, прикидывая, как проскочить мимо нас. Тогда Тобольцев, зайдя за его спину, применил шейный захват и аккуратно уложил горе-охотника на влажную траву, а Ника осторожно освободил птицу и отнес к пруду. Вернулся, морщась и растирая пальцы.

– Следы благодарственного поцелуя? – ухмыльнулся наш староста, успевший спровадить мужика.

– Типа того. Кажется, дичь осталась недовольна, что приключение так быстро закончилось, – отпарировал Ника. – Ладно, одну живую душу на сегодня мы спасли. Что дальше?

Нас с Лилей, продрогших и голодных, этот вопрос тоже крайне волновал, просто не хотелось спрашивать первыми. Володя окинул нас понимающим взглядом:

– Хорошо, сейчас только осмотрим подступы к парку со стороны заповедника, а потом выйдем в город, поужинаем где-нибудь.

И повернул в дальнюю часть парка. Тут уж не выдержала Лиля:

– Володечка, ну посуди сам, кто туда потащится в дождь, да к тому же когда в городе неспокойно. Даже уток там нет,

так что зря прошляемся. А вот в каком-нибудь кафе наша помощь может очень даже пригодиться...

– Хитрая ты, Лилька, – одобрительно усмехнулся Тобольцев, с затаенной тоской косясь на объект своего вздыхания. – Скоро будем в кафешке, обещаю. Только я хочу сперва дойти до бывшего монастыря и там все проверить.

– Что?! – ахнула я, хватаясь за ствол березки, чтобы не рухнуть. – В Волчий монастырь? Ни за что! Зачем?

– Ну, сейчас там как раз вечерняя служба кончается, если есть народ, то мы сможем проводить их через лес и сами выйдем в город, – обстоятельно пояснил мне староста. – Конечно, в распутицу туда мало кто ходит, но когда странные дела творятся, люди могли и проникнуться.

– Какой народ, какая служба, Володя?! Там же одни развалины! Никто нормальный туда не сунется даже в самый ясный день!

Ника с неподобающей смелостью похлопал меня по плечу: – Эй, Саввушка, знай и люби свой город! Монастырь давно уж восстановили, монахи там пока не живут, а вот церковь действует.

Хоть я и была в полном ауте, но руку его сбросила, нечего вольничать. И сказала:

– Если все же собираетесь туда, то просто прикончите меня сразу. Или я вас здесь у прудика подожду.

– Но здесь же небезопасно! – Володя, кажется, принимал мой блеф за чистую монету, наивный.

– Не важно, пусть лучше меня схватят, как ту утку!

Тобольцев смотрел на меня растерянным взглядом, удивленно хмурился. Впервые мне удалось так надолго задержать его внимание на своей персоне.

– Просто Володя у нас приезжий и не знает местный фольклор так хорошо, как мы с тобой, – вмешалась моя подруга.

– А откуда ты? – впервые я так осмелела, чтобы задавать вопросы своему кумиру.

– Раньше в Пскове жил...

– Ну, это многое объясняет. Может, у вас там, в Пскове, как и везде, рассказывают страшилки о черной руке и красном рояле, а в нашем городе все самые жуткие истории – о нем, о Волчьем!

– Ого, просветишь? – встрял Ника. – Я, кстати, тоже не местный.

Я его проигнорировала, потому что упрямо удерживала взгляд широко распахнутых любопытных глаз Тобольцева. Кажется, есть зрительный контакт. Не разрывая его, я медленно кивнула:

– Ладно, расскажу историю, которую поведал мне в мои восемь лет мой дядька, когда родители попросили его посидеть со мной вечером. После этого я три недели отказывалась выходить из дома, спать без света и вообще оставаться одной хоть на секунду, а мама полгода не разговаривала со своим братом.

– Заинтриговала, – широко улыбнулся наш староста.

– В общем, когда после революции чекисты пришли в монастырь, чтобы арестовать или даже расстрелять разом всех тамошних монахов, то обнаружили здание пустым. Долго обыскивали все вокруг, пока не обнаружили тайную дверь, которая вела в глубокий подвал под зданием монастыря. Едва ее открыли, как оттуда повалили волки. Чекисты принялись палить по ним, но пули летели куда угодно, только мимо цели. Волки же преспокойно подходили к одному или двум людям, обнюхивали их – и удалялись в сторону леса. А когда наступила ночь, эти волки вернулись и прошли по следам тех людей, кого обнюхали, убив всех, кто встретился им на пути или кто совсем недавно пересек этот невидимый след. А потом уже вырезали семьи самих чекистов.

Договорив, я тут же почувствовала себя глупо: не переборщила ли с пафосом. Кажется, Ника, судя по оскалу, был готов поднять меня на смех. Но Володя задумчиво произнес:

– Да, впечатляет. Для восьми лет даже перебор.

– Говорят, они время от времени возвращаются, – взбодрилась я. – Особенно в определенные годы. Снова проходят каждый по своему следу и убивают тех, кого встретят на пути. Когда в нашем городе кто-то бесследно исчезает или кого-то находят убитым, так и говорят: «Он пересек путь волка».

– И часто тут люди гибнут или исчезают?

– Думаю, не чаще, чем в любом другом городе, – вынужде-

на была признать я. — А вот волки в нашем лесу действительно появляются время от времени, и всегда их видят неподалеку от монастыря. Ни один бомж не посмел бы заночевать там, когда монастырь стоял в развалинах.

— Очень интересно, — Тобольцев вдруг коснулся моего плеча, заставив сердце бешено запрыгать. — Я понимаю, почему ты боишься туда соваться, если бы я вырос на таких историях, то и сам бы... Может, тогда вы с Никой и Лилей сразу пойдете в кафе, а я один быстро сбегаю и все там проверю, заодно знаменитое место повидаю?

Это был просто удар под дых. Лиля, само собой, тут же сказала:

— Почему один, Вов? Я вот совсем не боюсь этих историй, хотя слышала их много раз. Ну что, поделимся?

— Нет! — отрезала я мстительно, понимая, что топчу грязными ногами едва вспыхнувшие Володиные надежды. — Пойдем все вместе. Считайте, это был просто экскурс в историю нашего городишка.

Глава четвертая. Волчий монастырь

Протиснувшись один за другим сквозь выгнутые прутья железной ограды и перейдя по паре мокрых дощечек узкую, но бойкую речку, мы оказались уже в лесопарковой зоне. Монастырский комплекс находился за истоптанной десятком тропок еловой рощей, выглядевшей под дождем очень мрачно. Мы прошли ее наполовину, когда из-за деревьев на фоне гаснущего неба начали проступать очертания строений: величественное темное здание с куполом – сам монастырь, каменные и деревянные постройки вокруг и пятиглавая, с сине-золотыми куполами церквушка чуть в стороне, но за общей оградой.

Поначалу территория показалась абсолютно пустынной, давно заброшенной, и, честно сказать, больше всего я мечтала убраться отсюда поскорее. Бог с ними, с детскими страхами, но ведь среди этих хаотичных строений вполне могли укрываться и опасные люди из города.

Прорезавший тишину глухой удар колокола заставил нас с Лилей громко вскрикнуть и вцепиться друг в дружку. После второго удара Володя произнес:

– Так, если колокол звонит, значит, в храме еще продолжается служба. Двигаем туда.

Храм тоже имел ограду – совсем несолидный деревянный заборчик с большими просветами между клиньями. За

ним по всему периметру белели в быстро подступавшей темноте надгробные кресты и обелиски, но это не было обычное кладбище, наверно, здесь хоронили только священников. Сам же церковный двор был вымощен влажно блестящими крупными булыжниками, между ними пузырилась, втягиваясь под землю, вода. Ворота стояли распахнутыми, мы прошли в них, я уже занесла ногу над первым камнем – и тут с жалобным воплем шарахнулась назад, влетев прямо в объятия идущего следом Тобольцева.

– Сав, ты что?! – Он схватил меня за плечи, тогда как другие лихорадочно озирались, ища то, что напугало меня. Я же в это время пропадала от смущения, ругая себя за дурацкую реакцию.

– Ребят, все в порядке. – Я даже попыталась выдавить улыбку. – Просто вспомнила еще кое-что, одно предание... простите, тупо получилось.

Ника выразительно взметнул к небу и уронил руки, даже Лиля смотрела на меня как-то напряженно, только Володя спросил с неувядающим интересом:

– А что за предание?

– Ну, если сюда придут в первый раз несколько человек, то кто из них первый пройдет через двор – у того в три дня умрет кто-то из близких.

– Класс! – прицокнул языком Ника. – А если они все в один ряд пройдут, тогда кто умрет?

– Не знаю, – отрезала сердито. – Может, никто, может, у

всех кто-то, но лично я не собираюсь это проверять.

– Эх, ладно, обожаю нарушать правила и испытывать на себе приметы! – воскликнула моя подруга и ловко запрыгала с камня на камень.

– Ну, пойдем теперь? – Володя взял меня за руку, словно малышку, и повел ко входу, по пути я просто сгорала от стыда.

Увесистая дверь в церковь была отворена и приперта камнем, но за ней царила все та же полумгла. Верхний свет не горел, гулкое пространство освещали лишь пучки свеч у темных провалов икон, да еще из боковой комнатухи вырывался нормальный электрический свет. Весь народ, человек пятнадцать, сгрудился у стены храма и пел, негромко и слаженно. Да еще какой-то парень застыл у креста в десятке шагов от нас. Со спины он мне почему-то показался знакомым.

– О-па, везде свои люди! – Володя, решительно переступив церковный порог, направился напрямик к парню, я замешкалась, чтобы попробовать перекреститься, но быстро запуталась в движениях.

Парень у креста обернулся на шум шагов, и теперь я уже четко узнала Кирилла Оленина из нашей группы, симпатичного, но всегда слишком молчаливого и зажатого юношу. Странно, может, полутьма сыграла со мной такую штуку, но мне показалось, что лицо его сделалось испуганным и несчастным от одного только взгляда в нашу сторону. И еще он сильно дернулся, впечатавшись спиной в переклады-

ну креста.

– Привет, пропащая душа! – Володя уже был рядом с одноклассником, с ходу хлопнул его по плечу. – А я уж думал, ты пополнил ряды неадекватов, с утра не мог до тебя дозвониться.

– Нет, я еще на рассвете сюда пришел, а проверить телефон руки за весь день не дошли, минутки свободной не было, – Кирилл говорил как-то странно, заторможенно, будто у него губы судорогой свело. Густые каштановые волосы до середины спины, которые он обычно забирал в хвост, сейчас волнами лежали по плечам, и одет он был во что-то длинное, золотистое, с широченными рукавами. В полутьме мне почему-то казалось, будто он не сводит с меня глаз.

– Я алтарник в этом храме, – пояснил он в ответ на наши недоуменные взгляды, мало что этим словом прояснив. – Очень много народа сегодня сюда приходило, особенно те, у кого близкие... изменились.

– Так и приглядывали бы лучше за своими близкими, а не ерундой маялись! – резко, неприязненно произнес вдруг Ника, я всем телом ощутила идущие от него волны ненависти и раздражения. И отступила на шаг в сторону, оскорбленная: он ведь и меня таким образом уделал, даже не заметив, кажется.

– Знаешь, никто ведь не упрекает в трусости радистов на войне, – глядя ему прямо в лицо, негромко произнес Кирилл. – За то, что не участвуют в бою, а призывают помощь

и прикрытие сверху.

Ника громко скрипнул зубами, но разводить дискуссию не стал. Пение стихло, народ медленно разбрелся по храму. От толпы отделилась невысокая фигура в длинном черном одеянии, двинулась к нам. Но еще прежде Кирилл метнулся навстречу, стал что-то объяснять, несколько раз махнул рукой в нашу сторону. Он-то стоял к нам спиной, зато я заметила, как потрясенно вытянулось лицо того человека, которому он явно говорил что-то про нас.

– Ох, чувствую, зря мы сюда приперлись, – шепнула мне на ухо Лиля. Я нащупала ее руку и крепко сжала.

Отстранив Кирилла, человек в черном все же приблизился к нам. Он был лет пятидесяти, невысокого роста, сдержанный, с длинными, обильно тронутыми сединой волосами. Но лицо мне понравилось, доброе и внимательное. Каждого из нас он будто сканировал взглядом.

– Я отец Анатолий, служу в этом храме, – произнес он негромко, чуть склонив голову. – А вы, молодые люди, просто так зашли или же по официальному поводу?

И кивком указал на намокшие скукожившиеся повязки у нас на рукавах курток.

– Мы – добровольная студенческая дружина, – чуть выйдя вперед, отчитался за всех Тобольцев. – Инспектируем район лесопарка, заодно решили проверить, все ли у вас тут спокойно. Если что, готовы проводить группу молящихся до города и развести по домам.

Священник понимающе кивнул:

– Спасибо, молодые люди. Но эту группу провожать не нужно, они еще заранее договорились, что пойдут все вместе, первым делом проводят женщин.

Действительно, разбредшиеся по храму темные фигуры вдруг разом собрались и бесшумно, с троекратными поклонами на пороге, покинули храм.

– Здорово, – кивнул Володя, проследив взглядом за последним уходящим. – Ну, а вы тоже уходите или церковь будет открыта всю ночь? Я к тому, что оставаться тут небезопасно...

Священник медленно покачал головой, стало заметно, что он смертельно устал, но старается ничем этого не выдать.

– Мы останемся, могут подойти еще прихожане или просто нуждающиеся в помощи. Но, пока все тихо, приглашаем вас попить с нами чаю. Вы ведь, мне показалось, знакомы с нашим Кириллом.

Мы дружно кивнули, а Оленин уточнил:

– Мы из одного института.

И поочередно назвал наши имена.

– Ну, так что насчет чаю? – снова спросил священник.

Володя на правах руководителя скользнул по нашим лицам вопрошающим взглядом, Ника, конечно, скорчил козью морду, зато мы с Лилей активно закивали: очень хотелось попить горячего и согреться.

– Ну, идемте, – даже не стал дожидаться нашего офици-

ального согласия отец Анатолий – спешил, наверно.

Следом за ним мы прошли в небольшую квадратную комнатушку на входе, в углу обнаружился низкий пластиковый столик, а рядом тумбочка, из которой Кирилл извлек круглый поднос со всем необходимым для чаепития, отобрал нужное количество чашек, включил в розетку выдавший виды чайник... Я как родным обрадовалась бутербродам с обветрившимся и уже пустившим слезу сыром, крекерам и пряникам.

– Чем богаты, – пояснил маленький священник и тут же без предупреждения развернулся к иконам и начал молитву. К нему присоединился Кирилл, мы с Володей тоже встали и пару раз неумело перекрестились, тогда как Лиля и Ника сидели, уткнувшись взглядами в стол.

Я присмотрела себе широченный и очень основательный табурет между столиком и стеной, протиснулась туда и только села – как вдруг утробное рычание заполнило небольшое помещение, табурет подо мной мелко завибрировал, потом мощно дернулся. Я с воплем в два больших прыжка оказалась в дверном проеме и только там осмелилась оглянуться.

Из-под табуретки уже выбралось на свет черное косматое чудовище и теперь очень медленно, пугающе широко расставляя лапы, передвигалось по комнате, поочередно обнюхивая каждого из нас. Лиля осталась сидеть на стуле, но ухитрилась подтянуть коленки к подбородку, парни оцепенели в положении полустоя.

– Это волк? – прошептала я.

– Ну что ты, это Нерон, – почти в ухо мне ответил Кирилл, который, как оказалось, стоял позади меня и держал руки так, будто собирался поймать, если начну падать в обморок. – Просто черная овчарка с кем-то-там-еще-большим и лохматым... Ему перебили ноги и бросили в лесу, тоже, может, приняли за волка. А я нашел и принес сюда.

– Разве в церкви может находиться животное, они же вроде как нечистые? – спросил Ника, все еще не смея садиться.

Отец Анатолий энергично покачал головой:

– Господь не создавал ничего нечистого. Так что если отец-настоятель не возражает, то почему бы и нет. А Нероша у нас пес приличный, по храму не шляется, чужим на глаза не показывается. Правда, может подвыть немного, если служба затягивается, но прихожане ему за это, полагаю, бывают только благодарны.

Успокоившись, я вернулась на облюбованное место, и через мгновение Нерон аккуратно протиснулся мимо моих ног обратно под табуретку, чуть повозился там и затих.

Сразу после этого был разлит по чашкам чай, и можно было, наконец, впиться зубами в бутерброды. Вот только мне не нравились те взгляды, которые священник кидал поочередно на каждого из нас, словно прикидывал что-то в уме. Иногда он смотрел и на Кирилла, который находился в полной прострации, один раз даже коснулся его руки, призывая вспомнить о зажатой в ней чашке, после чего парень спохва-

тился и поднес ее ко рту с такой поспешностью, что едва не выплеснул чай себе на грудь. Нужно было как-то разрядить обстановку, и я спросила:

– Отец Анатолий, а почему монастырь называют Волчьим? Это все из-за легенд о волках, да? Или не легенд, не знаю...

Священник обратил на меня внимательный взор, улыбнулся ласково и как будто с благодарностью – наверно, это была его любимая тема:

– О, я много местных легенд знаю, в семинарии даже работу писал по нашим городским материалам! Большая часть историй появилась гораздо позднее, по крайней мере, в том виде, в каком вы их слышали. Изначально же название возникло еще в начале восемнадцатого века, когда монастырь был построен и освящен в честь святого великомученика Георгия. А его в народе называли «волчьим пастырем» и считали повелителем зверей. В быличках и сказаниях говорилось, что волки громким воем умаливают этого святого назначить им жертву в пропитание, и тогда Георгий выбирает какую-то овечку или козу. Назначенной жертве не сбежать и не спрятаться от хищников, потому что они видят ее вроде как всю облитую кровью, чуют и замечают издали, да и она сама, словно замороженная, спешит навстречу гибели, ибо, как говорится, «обреченная скотинка уже не животинка».

Кирилл при этих словах вдруг вскочил и отпрыгнул от

стола, словно чаем обжегся или еще что. И покинул лавочку, шум его шагов скоро истаял в направлении выхода. Мы переглянулись, а священник вроде как внимания не обратил, продолжал невозмутимо:

– Ну вот, отсюда и повелось название. Ходила также легенда, что в потайной келье под монастырем хранится древняя чудотворная икона святого Христофора Псеглавца. Такие иконы по распоряжению Синода были запрещены, но действительно долго сохранялись, хотя и не почитались больше. Считалось, что, помолившись у этой иконы, монахи могли принимать облик волков либо огромных псов, чтобы защищать монастырь от вторжения врагов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.